

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГУГО ФОН
ФРАЙТАГ-
ЛОРИНГХОВЕН

Полководческое
искусство

Библиотека военной и исторической литературы

Гуго фон Фрайтаг-Лорингховен

Полководческое искусство

«Издательство АСТ»

УДК 355.4
ББК 68

Фрайтаг-Лорингховен Г.

Полководческое искусство / Г. Фрайтаг-Лорингховен —
«Издательство АСТ», — (Библиотека военной и исторической
литературы)

ISBN 978-5-17-096036-1

Военный писатель, публицист, преподаватель и прусский генерал от инфантерии барон Гуго Фридрих Филипп Иоганн фон Фрайтаг-Лорингховен (1855–1924) в начале XX в. считался одним из ведущих германских военных мыслителей, причем не только по историческим проблемам, но и по актуальным вопросам военного строительства. Его труд «Полководческое искусство» стал итогом всей военно-исторической деятельности автора и своего рода энциклопедией военного дела XVIII – начала XX в. В книге подробно описывается развитие оперативного и тактического искусства вплоть до начала XX в., даны сравнительные характеристики военных кампаний (Наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г., Франкопрусская война 1870–1871 гг., Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая (Великая) война). Рукопись впервые переведена на русский язык и снабжена комментариями специалиста по военной истории. Текст дополнен оригинальными картами, дающими визуальное представление о ходе описываемых кампаний.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-096036-1

© Фрайтаг-Лорингховен Г.

© Издательство АСТ

Содержание

Предисловие переводчика	7
Том первый	14
Предисловие автора	14
Введение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Гуго фон Фрайтаг-Лорингховен

Полководческое искусство

© Ланник Л. В., предисловие, перевод, комментарии, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие переводчика

Военный писатель, публицист, преподаватель и прусский генерал от инфантерии барон Гуго Фридрих Филипп Иоганн фон Фрайтаг-Лорингховен родился 20 мая 1855 г. в Копенгагене, где его отец, Карл Готтлоб фон Фрайтаг-Лорингховен, служил генеральным консулом Российской империи. Он был из старинной аристократической фамилии потомственных военных, происходившей из Вестфалии, но потом расселившейся по разным немецкоязычным странам. Ее ветвь с XIV в. обосновалась и в принадлежавшей тогда Немецкому ордену Прибалтике, как в Эстляндии, так и в Лифляндии и на Моонзундских островах. С XVIII в., в основном после Ништадтского мира 1721 г., Фрейтаг фон Лорингофены (как это писалось в тогдашней транскрипции) стали служить Российской империи. Отец автора этой книги за свою долгую жизнь (он умер в 1882 г.) сумел выйти в тайные советники и заслужить пожалование ему в 1878 г. баронского титула с гербом, где красовался девиз «Fidelis usque ad mortem», то есть «верен до самой смерти», так что его потомкам, казалось бы, жаловаться на жизнь под скипетром русского царя не приходилось. Третий сын Карла и уроженки Бремена Матильды Гуго по семейной традиции поступил на военную службу в кавалерию российской армии, однако вскоре сменил подданство. Как и многие балтийские немцы, под впечатлением от начавшейся при Александре III русификации Прибалтийского края и еще более в связи с энтузиазмом, охватившим весь немецкий мир после создания Второй империи в 1871 г., его род решил перебраться на историческую родину. При этом знания и опыт, полученные в России, неоднократногодились его представителям на новом месте. Представители рода Фрайтагов еще проявят себя в самых разных сферах общественно-политической жизни Германии, переезжая туда в течение всей 1-й половины XX в. А вот семья автора этой книги значительно раньше избрала Германию, переехав в романтический Веймар. Вскоре Гуго, фактически не теряя времени, продолжил военную карьеру в кайзеровской армии. Постепенно все потомки барона Карла фон Фрайтаг-Лорингховена собрались в Веймаре, сразу же породнившись с местной знатью и получив значительные связи в высшем свете и военных кругах.

Молодой офицер отучился в Военной академии, был причислен к Генеральному штабу, а к началу Первой мировой войны дослужился до генерал-лейтенанта, командуя 22-й пехотной дивизией. В итоге Фрайтаг стал бы вполне типичным представителем германской военной элиты: служака, образцовый семьянин (4 детей), безусловно преданный монарху консерватор и националист. Однако было то, что выделяло его из общей массы офицеров, даже генштабистов, хотя вряд ли можно назвать его уникалом. Новый подданный Германской империи оказался страстным любителем военной истории. Уже в 1890-х гг. стали выходить его труды по различным проблемам истории тех или иных кампаний, по теории и актуальным вопросам современного военного дела. На фоне истых пруссаков ему только прибавляло объективности то, что ни по возрасту, ни по происхождению принять личное участие в войнах за объединение Германии он не успел, поэтому широко распространенной «мании Седана»¹ был подвержен менее других. Помогало прослыть специалистом и знакомство с военной историей других стран, интерес к самым различным кампаниям и зарубежным армиям. Это содействовало его высокой репутации среди генштабистов, поэтому с началом войны фон Фрайтаг-Лорингховен был назначен генерал-квартирмейстером Ставки, став одной из важнейших, хотя и не самой заметной фигурой в германском Верховном главнокомандовании.

¹ После капитуляции французской армии под Седаном 2 сентября 1870 г. именно этот день стал главным национальным праздником в Германской империи. В военных кругах принято было считать действия германской армии и особенно командования непревзойденным образцом военного гения.

Генерал-квартирмейстер ранее отвечал за все вопросы снабжения и размещения войск, однако в условиях маневренной войны и миллионных армий его мнение стало одним из определяющих в планировании операций. Зачастую хозяйственные вопросы приходилось поручать подчиненным инстанциям, а генерал-квартирмейстер оказывался вовлечен в самую что ни на есть полководческую деятельность. Именно поэтому с 1916 г. в германской Ставке появился еще и особый первый генерал-квартирмейстер (им стал Э. Людендорф), приравненный к начальнику Генерального штаба Действующей армии, то есть фактически к Главнокомандующему. На деле же именно 1-й генерал-квартирмейстер потом и стал истинным хозяином в Ставке при номинальном главенстве начальника Генштаба и еще более номинальном главном командовании кайзера. Фрайтаг-Лорингховен, уважаемый в военных кругах специалист, о таких высотах и не помышлял. Его уделом оставались советы, рутина тылового обеспечения и... научно-публицистическая деятельность. В ходе первых лет Великой войны пожилой (в 1915 г. ему исполнилось 60) Г. фон Фрайтаг-Лорингховен проявил достаточно ума, чтобы избегать активного участия в грандиозных скандалах между германской Ставкой во главе с Фалькенгайном и рвущейся к власти связкой Гинденбург-Людендорф. Один из выдающихся военных специалистов и впоследствии последний фактический главнокомандующий германской армией в Великой войне В. Грёнер возмущался: «В этом “суде инквизиции”... милейший глухой Фрайтаг сидит там, да ничего не слышит... Но тут Людендорф воззвал к помощи Фрайтага, на что тот пробормотал, что он нам не полицейский»². При этом сам Фрайтаг еще в январе 1915 г. своего мнения о будущих военных диктаторах Германии не скрывал: Людендорф был будто бы «победный хвостун», а П. фон Гинденбурга, который вел у него занятия в Военной академии, он называл «весьма посредственным преподавателем». Фрайтаг в 1916 г. несколько месяцев командовал 17-й резервной дивизией, принявшей участие в тяжелейшей битве на Сомме. Однако пока его коллеги получали военный *Pour le Merite* – знаменитого «Голубого Макса» – за подвиги их солдат, он удостоился «гражданской» разновидности этого высшего ордена как выдающийся писатель, ведь это ремесло он не оставил и в годы войны. При этом собственно боевой награды барон не получил, так как на фронтах отличиться не довелось. В 1918 г. Фрайтаг даже стал членом эрфуртской Академии общепользных наук. Тогда же он стал и почетным доктором (*honoris causa*) в одном из германских университетов, что в данном случае было не уважением к боевым заслугам генерала, как это случалось в отношении некоторых его коллег, а действительным признанием со стороны ученого сообщества.

Именно он фактически стоял у истоков формирования официальной германской военной историографии, хотя вплоть до окончания Великой войны его труды по тону были ближе к пропаганде, нежели к науке. Пиком карьеры Гуго фон Фрайтаг-Лорингховена стало звание генерала от инфантерии весной 1918 г. и должность начальника Генерального штаба, точнее тех его отделов, которые не вошли в Ставку Главнокомандующего, оставшись в Берлине. Такой вариант мог только устраивать барона, ведь после смены главы 2-го ОХЛ Фалькенгайна на знаменитый в последующей истории Германии дуэт Гинденбург – Людендорф в конце августа 1916 г. в его советах в Ставке более не нуждались. С крахом Германской империи и сокращением ее армии после Версальского мира барон, наконец, смог выйти в отставку и сосредоточиться исключительно на научно-публицистической работе. На старости лет утешением ему служил лишь его младший сын Арндт, также воевавший и получивший погоны капитана резерва. Двое старших сыновей, предсказуемо избравшие карьеру военного, умерли раньше отца. Средний, Ганс, был одним из пионеров германской военной авиации и разбился в 1911 г.; старший, дослужившись лишь до лейтенанта и побывав мужем скандально известной «баро-

² Запись в дневнике Гренера от 4 декабря 1915 г.: Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkeireg. Göttingen, 1957. S. 545.

нессы дадаизма»³, умер весной 1919 г. Дочь, Ирина, тоже была не особенно счастлива в личной жизни. Барон Гуго фон Фрайтаг-Лорингховен с головой ушел в научную работу. За рубежом достаточно быстро последовали переводы его работ о только что закончившейся Великой войне⁴, ведь Фрайтага считали одним из ведущих германских военных мыслителей, причем не только по историческим проблемам, но и по актуальным вопросам военного строительства. В сентябре 1920 г. он стал сотрудником Рейхсархива, где проигравшие в Великой войне писали ее историю, сняв погоны, но не перестав от этого быть кадровыми германскими офицерами. Его последняя книга, «Душа армии», вышла в 1923 г., но он продолжал работу почти до самой смерти 19 октября 1924 г. Последней радостью в его жизни, всего за 9 дней до кончины, стало рождение третьего внука. Общее собрание его трудов вышло в Германии тогда же, в 1924 г.

До сих пор многочисленное наследие автора популярностью у переводчиков на русский не пользовалось, хотя в 1923 г. весьма важный для усвоения уроков Первой мировой войны труд был все же издан в СССР, пусть и в характерной для советских военных изданий того времени сокращенной манере⁵. Данный труд можно считать итогом всей военно-исторической деятельности автора. Фрайтаг фактически дописал и дополнил материалом недавно окончившейся Великой войны свои исследования по полководческому искусству предыдущих столетий⁶, еще до войны принесшие ему заслуженную славу одного из ведущих специалистов в этой отрасли военной науки.

Необходимость сохранить ауру первоисточника побудила при переводе по возможности оставить географические названия в той форме, которую использует автор, чтобы не создавать ложного впечатления у читателя. В целом ряде случаев сохранение названий имеет принципиальный характер. Например, если бы Фрайтаг действительно хотел соблюсти точность, то в 1921 г. в оригинале он вполне мог бы писать «Львов», а не «Лемберг», однако для него это значило бы дополнительно выразить согласие на произошедший развал империй и раздел Центральных держав по итогам Великой войны, а потому вряд ли стоит нарушать стройный тон повествования германского генерала почти автоматической заменой на славянский вариант названия столицы королевства Галиции и Лодомерии. Еще более немислимым, но вполне логичным следствием этого оказалась бы замена в повествовании Кёнигсберга на Калининград. Сравнительно трудно порой согласовать различные устоявшиеся в национальных историографиях названия сражений, а особые сложности начинаются при передаче в разных языках топонимов Дальнего Востока, в большинстве своем в равной степени искажающих оригинал до неузнаваемости. Поэтому для удобства читателя в конце книги приведен список географических названий.

Даже с транскрипцией фамилии автора на русский язык существуют определенные тонкости. Остзейская ветвь рода, многие поколения которой находились на российской службе, писалась на русском, стремясь по тогдашним нормам к максимально точной транслитерации – «Фрейтаг-Лорингховен». Поэтому в трудах военных специалистов начала и середины XX в. следовали именно такой традиции. Однако, с появлением новых правил транскрипции, где приоритет (порой даже чересчур) отдается передаче фонетики слова, применительно к представителям той же фамилии, теперь уже исключительно из самой Германии, стали пользоваться вариантом «Фрайтаг-Лорингофен», что создает трудности для тех, кто не знаком с немецким правописанием. Учитывая, что прославились и другие представители этого рода – в диплома-

³ Эльза фон Фрейтаг-Лорингховен (урожд. Эльза Хильдегард Плётц, 1874–1927) – немецкая художница и скульптор, относящаяся к движению дадаистов.

⁴ В самой Германии его «Выводы из мировой войны» вышли еще в разгар войны, в 1917 г.

⁵ *Фрейтаг-Лорингофен Г. Ф. Выводы из мировой войны* / Пер. с 20-го нем. изд. под ред. Е. И. Мартынова. М., 1923

⁶ Например, 470-страничный труд о полководческом искусстве Наполеона: *Freytag-Loringhoven H. Frh. v. Die Heerführung Napoleons in ihrer Bedeutung für unsere Zeit*. Berlin, 1910. В итоге его труды были посмертно изданы в виде многотомника см.: *Die Führung in den neuesten Kriegen: Operatives und Taktisches* / von Frh. v. Freytag-Loringhoven. Berlin, 1924.

тии, как борцы с нацизмом, в живописи, спорте и т. д. – единой устоявшейся традиции теперь не существует вовсе. Скажем, бывшая невестка автора этой книги, ставшая на пике популярности иконой дадаизма, пишется по-русски неизменно так: Эльза фон Фрейтаг-Лорингховен.

При всем уважении к сложившейся десятилетия назад традиции не стоит слепо следовать ей и теперь: ведь сейчас вряд ли кто-либо станет называть Дидро «Дидеротом», однако и игнорировать ее, пытаясь любой ценой ввести новые нормы, также было бы предосудительно, а потому в России по-прежнему Фрейд, а не «Фرويد», Гесс, а не «Хесс» и т. д. Поскольку автором данной книги был представитель баронского рода, находившийся на германской, а не на российской службе, пусть и рожденный в Остзейских провинциях, то был избран вариант «Фрайтаг-Лорингховен».

В данном издании стремились максимально сохранить не только аутентичность выражений автора, хотя и с оттенком стиля 100-летней давности, но и приводимый им научно-справочный аппарат, который по меркам современного научного исследования оставляет желать много лучшего, являясь лишь своего рода брошенными на ходу указаниями читателю, где была взята та или иная цитата, но отнюдь не системно оформленной ссылкой на используемые работы. Разумеется, было бы вполне возможно перевести и дополнить эти ссылки, для удобства русскоязычного читателя привлекая уже русские издания (насколько они существуют) упоминаемых работ, однако это означало бы создать иллюзию куда большей дотошности автора, а это исказило бы впечатление о нем самом и его труде. При этом вряд ли возможно будет упрекнуть господина барона в небрежности в цитатах или попытках дезинформации: как показала сверка цитат с используемыми текстами, он вполне добросовестен. Конечно, сказывалось то, что Фрайтаг все же в первую очередь офицер, до некоторой степени публицист, но без соответствующей академической подготовки. Будучи профессиональным военным, значения научно-справочному аппарату он мог и не придавать, а также не иметь соответствующего опыта, даже при наличии у Фрайтаг-Лорингховена определенных заслуг на литературном и научном поприще.

Научный аппарат книги, (оригинал которой не снабжен соответствующим списком литературы, словно сокращенные ссылки автора и так понятны читателю по принципу *sapienti sat*), а также используемая им фактология дают достаточно полное представление и о кругозоре германских и вообще европейских военных специалистов первой четверти XX в. Так, например, автор, достаточно подробно описывая период середины и конца XVIII в. в военной теории и практике, ссылаясь на труды о кампаниях 2-й антифранцузской коалиции в Италии и Швейцарии, ни словом не упоминает о А. В. Суворове. Причем не только как о теоретике, но и как о выдающемся боевом генерале, что вряд ли можно было бы списать на недооценку его побед над турками, ведь о разгроме Суворовым целой плеяды французских полководцев в ходе Итальянской кампании бывший офицер Русской императорской армии барон фон Фрайтаг не мог не знать. Да и дифирамбы в адрес Фридриха Великого и прусской армии смотрелись бы несколько иначе, если бы наряду с признанием отдельных положительных сторон австрийских войск была бы по достоинству оценена русская армия, если не за Гросс-Егерсдорф, то уж безусловно за битву при Кунерсдорфе 1759 г. Даже кровопролитное сражение при Цорндорфе 1758 г., которое в России полагают едва ли не победой русского оружия, – притом совершенно незаслуженно – и то осталось за пределами внимания автора, видимо, из-за отсутствия достаточных поводов для гордости за действия пруссаков.

Взгляды автора в одном из специальных исследований, как видится, достаточно верно охарактеризовали как «неоклаузевицеанство»⁷. При вообще большом значении К. фон Клаузевица для германской военной мысли Фрайтаг-Лорингховен отдает ему даже слишком заметное

⁷ Echevarria A.J. Neo-Clausewitzianism: Freytag-Loringhoven and the militarization of Clausewitz in German military literature before the First World War. Princeton, 1998.

предпочтение по сравнению с прочими авторитетами из числа военных теоретиков и практиков. Он столь последователен и характерно назидателен в своих выводах, что повторяет одни и те же фразы, полагаемые им афоризмами великих полководцев, фактически ставших для него аксиомами. Неизбежные повторения вызваны, конечно, и тем, что этот труд является сводом результатов его многолетней деятельности, а потому отдельные главы столь часто пересекаются между собой по излагаемому материалу. Этот недостаток сам автор, при сведении воедино своих работ, устранил по-видимому лишь выборочно, а, возможно, посчитал, что при частично дидактических целях его труда лишний раз повторить не вредно и вовсе.

Пафос его выводов зачастую сводится к тому, чтобы отстоять наличие преимущества во взглядах избранных им в качестве действительно познавших суть войны полководцев. Он постоянно борется с попытками приписать ту или иную конкретную манеру каждому из них, да еще и на этом основании не просто сравнивать, а и противопоставлять их друг другу. Фрайтаг с истинно немецким упорством показывает, что не следует выстраивать стереотипы о манере действий Фридриха Великого, Наполеона и т. д., как это делают другие: заранее объясняя и подгоняя под них любые их кампании. Он дает блестящий пример опровержения предубежденности за счет учета субъективных факторов и даже своего рода источниковедческого анализа. Возможно, в этом можно усмотреть некую нарочитость, а то и передержки самого автора, борющегося против фарисейского отношения к той или иной методике, но при этом раз за разом подталкивающего к мысли о наличии неких единых принципов полководческого искусства, к которым рано или поздно приходили или интуитивно ими владели все те, кого он постоянно приводит в пример.

При притязаниях на беспристрастный и притом сравнительный анализ событий более чем полуторавекового отрезка времени весьма пожилого автора, действительно имевшего возможность взглянуть на события сразу нескольких эпох если не как свидетель, то как достаточно близкий к ним современник, следует все же учитывать обстоятельства написания и опубликования труда. Вышедшая в 1920 г. работа просто не могла не нести на себе подавляющий все предшествующее отпечаток Великой войны, а потому в тексте эпитет «Мировая» не сопровождается указанием «Первая», ведь для Фрайтаг-Лорингховена, даже при почтенном его возрасте, громадная схватка 1914–1918 гг. не могла быть всего лишь одной из войн. Еще в годы войны в большинстве европейских стран под впечатлением от масштабов за этой войной закрепилось название «Великая», сохраняющееся и по сей день, особенно в Великобритании и Франции. Вплоть до Второй мировой не менее популярно оно было и в Германии. В России же этот конфликт пытались изгнать из исторической памяти населения, поэтому эпитет «Великая» возвращен этой войне лишь частично и с опозданием на 100 лет.

Это сказалось и на трактовке некоторых событий Великой войны, ведь при всех попытках сохранять аналитический тон, автор все же не смог (а то и не захотел, полагая свою миссию в том числе пропагандистской) удержаться от достаточно экспрессивных выражений, которые всегда приводят к существенным искажениям общей картины обстановки. Нет сомнений в том, что, например, сами англичане вряд ли полагают, что после боев под Монсом и Ле-Като 22–23 августа 1914 г. они именно «бежали». Национальный акцент в отображении столь эмоционально окрашенных тем, разумеется, неизбежен, однако он плохо совместим с необходимой для анализа точностью оценок и предположений. Особенно, – что, впрочем, естественно – достается французам, ведь об особенностях их национального характера и даже языка автор рассуждает с присущей жителю кайзеровского рейха безапелляционностью.

Оставляет желать лучшего и точность изображения некоторых аспектов Великой войны, хотя, с другой стороны, позиция Фрайтага представляет интерес для исследователей, в том числе, и процесса становления истории Первой мировой войны. Ведь он сравнительно верно отображает то состояние, в котором находились исследования этого конфликта, в собственно военно-историческом отношении, в начале 1920-х гг., когда и последовала основная волна

новых и зачастую дискуссионных работ и мемуаров по различным проблемам событий 1914–1918 гг. Тем не менее, в издании особую главу составляют выводы и оценки автора действий германских командующих в ходе Мировой войны, составленные фактически «по горячим следам», не всегда полные и, в лучших традициях германской военно-исторической литературы, подчас до недоверности комплиментарные в отзывах как о вождях, так и о простых бойцах германской армии.

Бросается в глаза то, как сильно автор подпал под штампы германской пропаганды, особенно еще только формирующейся к моменту написания его труда официальной германской версии истории битвы под Танненбергом, известной в России как Восточно-Прусская операция августа 1914 г. Многие детали, важные для весьма хрупкого расклада сил в этом сражении, как в отношении хода событий, так и количества задействованных на том или ином участке сил, Фрайтаг не учел или не выяснил. Конечно, это можно было бы отнести на счет нежелания подменять подробностями общий анализ одного из вариантов оперативных действий, однако при некорректных исходных данных очень легко прийти не к выводам, а к предубеждениям, что так хорошо подмечает у других авторов Фрайтаг, рассуждая о кампаниях Фридриха Великого, Мольтке-старшего и Наполеона. Для полного отображения всех неточностей и натяжек в изложении Фрайтагом битвы под Танненбергом потребовалась бы отдельная статья, а, возможно, и не одна.

Очевидно, что Фрайтаг строит свои сравнительные исследования на наиболее ярких для него примерах – Фридрихе Великом и Наполеоне, – хотя нельзя упрекнуть его в чрезмерном преклонении перед авторитетами, столь своеобразном для его коллег из числа военных историков той поры. Однако критика его все же вряд ли может быть названа жесткой, более того, как и всякий военный, получивший прусский отпечаток, Фрайтаг не мог не чувствовать благоговения перед фигурой «старого Фрица», а как поклонник Клаузевица не мог не испытывать симпатии скорее к Наполеону, нежели к его противникам. Более того, монархические убеждения ни разу не позволили ему назвать последнего Бонапартом при описании действий Наполеона в период после коронации в 1804 г., в то время как слово «император» по отношению к нему в 1805–1814 гг. употребляется неукоснительно. Нет сомнений в том, что при более глубоком знакомстве с некоторыми иными кампаниями XIX в. автор смог бы еще более разнообразить свою мысль примерами, однако при его основной цели – продемонстрировать единство принципов стратегии и оперативного искусства даже в самых различных условиях, как географических, так и технических – можно вполне понять его стремление отобрать лишь наиболее эффектные, да еще умело и контрастно описанные примеры из военной истории, чтобы избежать мелочных дискуссий и слепого подражания авторитетам. Фрайтаг вполне успешно проводит сравнительный анализ действий великих полководцев, разоблачая надуманные аналогии и подчас примитивные противопоставления.

Большую притягательность для Фрайтага сохраняют Наполеон и его кампании, в чем видно влияние Клаузевица. При этом вполне можно было бы найти массу интересных примеров и в истории революционных войн, однако их удостоивают внимания постольку-поскольку, сделав исключение лишь для лучшего из республиканцев генерала Моро. Для немецкого националиста оказалось вполне возможным почти совсем умолчать об Отечественной войне 1812 г., но при этом со всей пристрастностью разобрать кампанию 1813 г., положенную в основу последующей столетней русско-прусской дружбы. Своеобразные зоны умолчания должны, по-видимому, показать, что к написанию сравнительно полной энциклопедии военного искусства XVIII–XIX в. Фрайтаг не стремился, пользуясь примерами, удобными и релевантными, во-первых, для себя самого, а во-вторых, импонирующими немецкому читателю. В то же время, Фрайтаг, хотя и подчеркнуто критически, достаточно подробно разбирает долгое время господствовавший над умами русских генштабистов труд Жомини. При этом из других российских авторов Фрайтаг упоминает лишь М. И. Драгомирова, да и то вскользь. Таким

образом, Европа и 100 лет назад по-прежнему не слишком удостаивала своим вниманием написанное на кириллице, вне зависимости от его качества и количества. Характерно, что даже в рассуждениях о России автор старается пользоваться наиболее известной литературой немецкого авторства, по-видимому, не учитывая того, что многие из этих «специалистов по России» были общепризнанными русофобами и такими же, как он, «беженцами» из Остзейского края, как, например, цитируемый им Т. Шиман. А ведь Фрайтаг считался одним из специалистов по русской армии, ведь ему принадлежит специальное исследование по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также анализ русско-японской войны⁸.

Замечательно, что автор, при всем его внимании к событиям Великой войны, так и не поддался искушению «скатиться» к хронологическому изложению событий, планомерно переходя от одного типа операций к другому, но «перескакивая» через эпохи в пределах 170 лет с завидной регулярностью. Видно, что аналитик в нем сумел одолеть повествователя даже там, где не удалось возобладать над пропагандистом. По завершении прочтения вдруг оказывается, что он распределил все хорошо изученные им кампании прошлого и тщательно подобранные примеры из недавней Великой войны так, что все они более или менее полностью подпали под его классификацию операций, методов и рекомендаций.

Сколь бы пафосным ни показались современному читателю предисловие автора, а также сделанные им по итогам анализа выводы, в действительности на фоне прочей германской военной литературы межвоенного периода они выделяются сдержанностью, скромностью и доступной манерой изложения. Вряд ли стоит пытаться усмотреть в намеках автора на более счастливое будущее корни нацизма, обвиняя его в исступленном реваншизме. И все же: данный труд дописывался и редактировался Фрайтагом на протяжении 1919 – начале 1920 гг., то есть в период, отмеченный для Германии тяжелой психологической травмой Версаля, вспышками гражданской войны и ощущением страшного унижения и тщетности огромных потерь как на фронте, так и в тылу. С учетом этого требовать от автора, профессионального военного и участника Мировой войны, полного воздержания от патриотических и даже националистических призывов, а только лишь беспристрастного анализа, было бы, вероятно, просто абсурдно. Достаточно того, что ему хватило этики настоящего ученого и добросовестности специалиста своего дела не отказаться от научного анализа в пользу огульных обвинений, разоблачений и прославлений, чем так часто грешили его коллеги, не пожелавшие выучить уроки Великой войны. Как показала история, в Германии 1-й половины XX в. последних оказалось намного больше, нежели духовных наследников бывшего подданного Российской империи, германского генерала, писателя и выдающегося военного ученого барона Гуго фон Фрайтаг-Лорингховена.

Учитывая особенности серии, посвященной вопросам полководческого искусства, в данном издании сочли необходимым отказаться от некоторых фрагментов текста автора (Том 2. Главы 4–6). Исключены главы, посвященные более политике и имеющие публицистический характер, а также те, что касаются тактико-технических вопросов, а не стратегии и оперативного искусства. Все описания военно-исторических событий и анализ кампаний, напротив, сохранены в полном объеме.

*Кандидат исторических наук,
доцент Л. В. Ланник*

⁸ Freytag-Loringhoven H. Frh. v. Das russische Oberkommando in der europäischen Türkei im Kriege 1877–1878. Berlin, 1912; Derselbe. Betrachtungen über den russisch-japanischen Krieg. Teil 1–2. Berlin, 1913.

Том первый

Предисловие автора

Клаузевиц в своем труде «О войне» писал: «Исторические примеры проясняют все, давая при этом познавательный опыт, и являются лучшими доказательствами. И более чем где бы то ни было это относится к военному искусству... В нем опыт имеет куда больше ценности, нежели философские истины любого иного рода». Предлагаемая вниманию читателя работа была написана в стремлении присоединиться к этому завету великого военного теоретика. Она основывается на Мировой войне, однако помимо обсуждения тех явлений, современниками которых мы являемся, стремится учитывать и войны прошлого. В них, как в общеисторическом, так и, конечно же, в военно-историческом плане, слишком много ценного, чтобы мы могли позволить этому пропасть. Ведь это – ошибки человечества, за которые приходится нести ответственность каждому в отдельности, причем снова и снова. Лишь те будут застрахованы от однобокости своих оценок, кто сможет направить свой взгляд в прошлое. Лишь тогда смогут они не остаться перед лицом будущего беззащитными. События Мировой войны применительно к урокам военного искусства стоят для нас на первом месте, однако не только они окажутся важными в будущем. Тому, кто разделяет сомнения автора в том, что мы дожили до окончания всех войн вовеки⁹, следовало бы включить и войны прошлого в свой сравнительный анализ.

Заголовок «Полководческое искусство» был избран для этой работы потому, что он показался более подходящим, нежели варианты вроде «Стратегия» или «Об операциях». Границы между стратегией и оперативным искусством с одной стороны и тактикой – с другой зачастую достаточно размыты¹⁰. Однако заглавие данного труда должно все же вызывать ощущение, что в нем будут рассмотрены вопросы командования крупными массами войск. В нем собраны, с одной стороны, более частные, а с другой – более широкие проблемы, нежели те, что имеются в виду под словом «стратегия». Оно включает в себя то, что Жомини именовал «большой тактикой».

Так как при этом само «руководство воинской частью» отходит на второй план, то достаточно лишь обрисовать ход событий. При этом, опять же, предоставляется возможность обширного сравнительного анализа. В пределах очерченных таким образом рамок и возможна та решительность, с которой здесь углубляются в суть проблемы. Для цели, которую мы имеем в виду, и без этого было бы достаточно ограничиться самыми общими чертами. Ведь только так уже сейчас становится возможным проанализировать события Мировой войны, не подвергаясь опасности того, что оценка будет исправлена при позднейшем более детальном их изучении. Это делается по практическим соображениям, так же как и в моей вышедшей в 1910 г. работе «Полководческое искусство Наполеона и его значение в наше время», где проводится классификация форм ведения войны. Автор надеется, что его выводы будут встречены с интересом и за пределами узкого круга военных специалистов. Ведь Мировая война показала, что крайне желательно, чтобы способность оценивать военные события хотя бы до некоторой степени была

⁹ Едкая ирония автора в адрес пропаганды победившей Антанты, которая заявляла, что Германия должна быть повержена силами объединенного человечества, а Великая война ведется «во окончание всех войн навеки». Эти пропагандистские штампы черпались из идеалистических заявлений президента США В. Вильсона, который потерпел тяжелое дипломатическое поражение при попытке реализовать их в рамках решений Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. – *Прим. пер.*

¹⁰ По утвердившемуся к настоящему моменту мнению военных историков в истории военного дела Великая война как раз отмечена тем, что между стратегией и тактикой возникает и еще одна отрасль военной науки – оперативное искусство, становление которого и прошло на полях обеих мировых войн. – *Прим. пер.*

бы присуща и вообще образованным людям, а уж государственным деятелям и политикам это попросту необходимо.

Во втором томе¹¹ будут рассматриваться преимущественно вопросы внутренних коммуникаций и эксцентрических операций, обороны в различных ее формах и географических условиях, разведки и преследования, боевого расписания и механизма командования. Заключение будет подведено в ходе размышлений о главнокомандовании армиями в Мировую войну.

Многочисленные проводимые сравнения с боевыми действиями в прошлые эпохи призваны послужить тому, чтобы оценить, с какими сложностями приходилось справляться германскому Верховному Главнокомандованию и подчинявшимся ему командованиям группами армий и армиями, в сколь высокой степени при этом приходилось учитывать и работоспособность штабов всех уровней, и боеспособность частей, прежде чем требовать от них чего-либо. Таким образом, эти страницы с анализом военного опыта должны посодействовать тому, чтобы пробудить воспоминания о германской военной славе во всяком по-настоящему патриотически настроенном немце. Ведь память об этом представляет для нас неотъемлемое национальное богатство, которое, кажется, как никакое другое подходит для того, чтобы в прискорбном настоящем поддерживать в нас веру в немецкий народ.

Веймар, февраль 1920.

Автор

¹¹ В представленном читателю издании объединены оба тома. – *Прим. ред.*

Введение

Развитие оперативного и тактического искусства вплоть до Мировой войны

В своей речи по поводу 100-летней годовщины со дня рождения фельдмаршала графа Мольтке¹² тогдашний начальник Генерального штаба граф Шлиффен заявил: «Было бы желательно написать книгу, откуда бы явствовалась та пытливая натура, которая позволяет человеку выиграть три кампании, пленяя целые армии и доводя войну до финала за столько же дней, сколько другим полководцам требуется на это недель, месяцев и лет». Это пожелание осталось неисполненным. Фельдмаршал стремился решать крупные стратегические проблемы не в солидных томах, множестве глав и многочисленных параграфах, свое видение сути войны он, скорее, сумел свести в несколько слов: «Стратегия – это система подпорок». Это может показаться камнем, поданным голодающему вместо хлеба, или же фразой оракула, которая более запутывает, нежели объясняет. Кажется, что в этом нет ничего и, одновременно, в этом – все. Это суть протест против тех, кто пытается отыскать панацею в теории, методе, во внутренних или внешних коммуникациях, в охвате или прорыве. Это – утверждение о том, что во всяком случае следует искать самое целесообразное, оставляя за полководцем полную свободу делать то, что, как он полагает, принесет ему победу.

В своей речи на 100-летнем юбилее Военной академии 15 октября 1910 г. граф Шлиффен¹³ указывал: «Перед любым из тех, кто хочет стать полководцем, должна лежать книга, озаглавленная “Военная история”... Чтение, должен я сказать, далеко не всегда пикантное. Придется продрасть сквозь массу малоаппетитных ингредиентов. Однако вслед за этим все же дойдешь до фактов, зачастую фактов, греющих сердце, на основании которых и придет понимание того, как все происходило, как все должно было происходить и как это будет происходить опять. Конечно, раньше изучать войны было легче. Деятельные и честлюбивые принцы в сопровождении полководцев проделывали одну, а то и целый ряд кампаний и тщились путем наглядного обучения подготовить себя к своему призванию. Но это могло происходить лишь в эпоху войн, ведущихся схематически, в тесных рамках. Теперь же, во времена массовых армий и длительных периодов мира, этот метод уже неприменим, а курсами на учебных полигонах и маневрами заменить его нельзя. Теперь мы должны обратиться к прошлому, к опыту, которого мы лишены в настоящем, искать в том, что случилось более или менее недавно».

Эти слова человека, который учил нас сегодняшней войне масс, великого учителя Генерального штаба, чей духовный вклад в германские успехи в Мировую войну просто нельзя переоценить¹⁴, вполне соответствуют воззрениям великих полководцев прошлого. Так, Фридрих Великий писал: «Военное искусство требует постоянного обучения ему, если только им хотят овладеть основательно. Я весьма далек от того, чтобы льстить себе, что овладел им полностью; я даже полагаю, что и жизни человеческой не хватит, чтобы обозреть его пределы, так как я от кампании к кампании получал все новый опыт и открывал новые принципы, и так как существует большое количество ситуаций, об исходе которых прийти к заключению я не

¹² Оно отмечалось в 1900 г. А. фон Шлиффен был начальником германского Большого Генерального штаба с 1891 по 1906 гг. – *Прим. пер.*

¹³ А. фон Шлиффен продолжал оказывать огромное влияние на германских генштабистов вплоть до своей смерти в 1913 г. К этому моменту он уже не был начальником Большого Генерального штаба, его преемником с 1906 г. стал Г. фон Мольтке-младший, племянник и бывший адъютант упоминавшегося выше великого полководца. – *Прим. пер.*

¹⁴ Работы о нем и его знаменитом плане за два межвоенных десятилетия писали лучшие генштабисты Германии и других стран, а научные дискуссии продолжаются и в современной историографии. – *Прим. пер.*

смог»¹⁵. Учиться рекомендует нам и Наполеон, когда говорит: «Ведите войну наступательно, как Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих. Прочтите историю 83 их кампаний, перечитайте ее еще раз, подражайте им – вот единственный путь стать великим полководцем и постичь таинства военного искусства»¹⁶. В другом месте у Наполеона сказано: «Навык верховного командования приобретается только изучением военной истории и опытом. Нет никаких определенных, неизменных правил; все зависит от замысла генерала, от боеспособности его войск, времени года и тысяч прочих факторов, которые приводят к тому, что никогда один случай нельзя сравнить с другим»¹⁷.

Этому соответствует и то, к чему приходит Клаузевиц: «Тот, кто собирается вникнуть в такую субстанцию, коей является война, не должен приносить в это ровным счетом ничего, кроме воспитания своего духа; если он пользуется готовыми идеями, а не пришедшими к нему под влиянием момента, которые он не пропустил через свои плоть и кровь, то поток обстоятельств опрокинет воздвигнутое им здание еще до того, как оно будет окончено. Война имеет иную, недоступную пониманию людей природу и именно у самых выдающихся из них, которые знают, чего они хотят, не пользуется ни малейшим доверием»¹⁸.

Как в «системе подпорок», так и в этом «воспитании духа», кажется, заложено мало, и все же такое мнение в принципе охватывает все, в чем нуждается профессия военного в самом высоком ее смысле. Эта мысль пронизывает все уроки Клаузевица, которые тем более ценны и тем большие плоды принесли нашей армии, что они сплошь пропитаны опытом военной истории. Клаузевиц даже прямо заявляет, что теория войны должна быть лишь размышлением, но не уроком. Он писал: «Оно является аналитическим исследованием ситуации, ведет к точной ее картине и – если в нем обращаться к опыту, то есть в нашем случае к военной истории, – также к основательному знанию о ней». «Абсолютная, так называемая математическая, составляющая в военных расчетах никогда не найдет себе твердой почвы»¹⁹. «...В войне, этом акте человеческих взаимоотношений, этом конфликте больших интересов, разрешаемом кровопролитием», теория, основанная «на абсолютных выводах и правилах, которой намерены самодовольно следовать», непременно подведет, ведь «горе теории, вступающей в противоречие с духом». «Ведение войны почти для всех сторон характеризуется неопределенностью границ, лишено всякой системы, свода правил или же ограничительных рамок синтеза, а потому возникает неподдающееся устранению противоречие между подобной теорией и практикой». «То, что делает гений, и должно стать лучшим из правил, и теория не может сделать ничего лучшего, нежели показать, как и почему так произошло». «Для того, чтобы каждый не был обязан вновь рассматривать и перерабатывать для себя, а находить вопрос уже приведенным в порядок и достаточно освещенным, для этого и существует теория».

«Тем самым возникает возможность подходящей, то есть полезной и никогда не вступающей в противоречие с действительностью, теории ведения войны. И тогда необходимо так соотнести ее с действиями, чтобы зияющие различия между теорией и практикой, зачастую возникающие из-за неразумных теорий, совершенно исчезли, а тем самым она будет приведена в соответствии со здравым смыслом». И действительно, отличительным признаком всякой здоровой теории является то, что она никогда не отдаляется от человеческого разума. И

¹⁵ Военное завещание 1768 года. Опубликовано в: Taysen. Friedrich der Große. S. 216.

¹⁶ Corresp. XXXI. P. 418.

¹⁷ Ebenda. S. 365.

¹⁸ Clausewitz. Bd. 7. Кампания 1812 г. Карл фон Клаузевиц (1780–1831). Прусский генерал-майор. Выдающийся военный историк и теоретик, взгляды которого были положены в основу германской и, частично, российской военной мысли XIX–XX вв. Участник наполеоновских войн, в том числе в кампании 1812 г. бился в рядах русской армии в Бородинском сражении. В течение 12 лет руководил прусской Военной академией, заложив основы будущего профессионализма германского Генерального штаба. Его труды, особенно «О войне», переведены на многие языки и многократно переиздавались, в том числе в России. – *Прим. пер.*

¹⁹ Clausewitz. Vom Kriege.

поскольку такого не происходит, то она не является теорией в общепринятом смысле, а лишь одухотворенным знанием, которое совершенно незаменимо для всех задействованных в ней солдат. Кто пренебрегает таковым, тот добровольно меняет надежное командование на хаос военных событий.

В работах Клаузевица мы видим отражение военного опыта наполеоновского времени. В качестве сравнения генерал, однако, часто приводит материал из войн Фридриха Великого, где он и находил исходные пункты для своих размышлений.

Когда король Фридрих выдвинулся в свою первую операцию против Силезии, он уже располагал обширными знаниями военной литературы своего времени. В частности, ему были близки кампании принца Евгения Савойского²⁰. Он часто выражал благодарность трудам Фекьера²¹. 10 лет мира, предшествовавших Семилетней войне, предоставили ему возможность переработать свои наблюдения в обеих Силезских войнах²². Одновременно он первым придал учениям своей армии характер непосредственной подготовки к войне. В это время и был создан крупный учебник «Генеральные принципы войны, примененные к тактике и к дисциплине прусских войск». Незадолго до Семилетней войны последовала и работа «Размышления и общие правила войны», которую близкий к нему генерал фон Винтерфельдт²³ назвал «неоценимой полевой аптечкой».

В «Генеральных принципах войны» король теоретически развивал идею сражения на уничтожение, как он понимал его на основе первых двух войн и его маневров, а также из изучения прошлого. Параллельное сражение, которое он в конце концов взял за правило, всегда приводило лишь к вытеснению противника с поля боя, а вот если бы, напротив, удалось привести в действие массу своей армии против фланга противника в то время, как более слабое другое крыло будет сломлено, то возникла бы возможность не только одержать решительную победу, но и «разбить противника неравными ему силами». Основная мысль, которая происходила из такого косоугольного боевого порядка, проявилась почти во всех сражениях Семилетней войны, хотя формы, в которых велась атака, зачастую менялись. А так как в этом упражнялись в мирное время и в чистом виде, то такая форма была проведена только под Лейтеном²⁴. Однако изучение сражений короля всегда показывает его стремление к уничтожению противника за счет воздействия на его фланги и тыл.

И если король желал полной победы, то вскоре он должен был все же признать, что он заходил слишком далеко, когда требовал от своей пехоты, чтобы она, по возможности не открывая огня, шла бы на врага, действуя главным образом штыками. В сражениях Семилетней войны он хотел как можно полнее пользоваться оружием. Но и значение артиллерии он недооценивал. С началом четвертого года войны²⁵ он все же сделал ее действенным наступательным оружием. Он признавал: «Атаковать противника без того, чтобы обеспечить это (артиллерийским) превосходством в огне, – это словно заставить толпу с палками сражаться с вооруженными войсками, а австрийскую систему с многочисленной артиллерией, сколь бы неудобной она ни была, следует принять, ведь она и противника может научить тому, как искусно исполь-

²⁰ Принц Евгений Савойский (1663–1736), лучший полководец австрийской армии за всю ее историю и национальный герой. Прославился победами над французами и турками. Сторонник союза с Россией. – *Прим. пер.*

²¹ Имеется в виду Антон де-Па де Фекьер (Feuquières) (1648–1711), французский генерал, участник войн Людовика XIV в конце XVII в. В отставке написал мемуары о войне, которые много раз переиздавались, став учебником по тактике. – *Прим. пер.*

²² Так в Пруссии называли ее участие в войне за Австрийское наследство 1740–1748 гг., по итогам которой Пруссия захватила большую часть Силезии, заключив мир в конце 1745 г. – *Прим. пер.*

²³ Винтерфельдт Карл фон (1704–1757). Прусский генерал, ближайший друг и советник Фридриха II, фактически начальник его штаба, был смертельно ранен в сентябре 1757 г. в сражении при Мойсе. – *Прим. пер.*

²⁴ Сражение при Лейтене 5 декабря 1757 г. было выиграно 32 тысячами пруссаков против почти 90 тысяч австрийцев, понесших огромные потери, в том числе 21,5 тысячу пленными, и стало едва ли не самой блестящей победой Фридриха Великого. – *Прим. пер.*

²⁵ То есть 1759 года. – *Прим. пер.*

зовать ландшафты»²⁶. Король писал: «Лучшая пехота мира может в некоторых местах, где она вынуждена сражаться, используя местность против врага и его орудий, прийти в беспорядок. Наша, обессиленная и испорченная как победами, так и поражениями [армия], должна быть бережно использована в тяжелых операциях. Следует обращаться с нею согласно ее внутренним качествам». И хотя король был очень далек от того, чтобы положиться на позиционную оборону Дауна²⁷, он продолжал: «Австрийцы весьма обогатили военное искусство, однако это не должно помешать нам все-таки одержать над ними верх. Столь умело применяемое ими искусство обороняться дает нам в руки средство атаковать их... И если умению австрийцев, превращенному ими в тактику, можно только раздавать похвалы, то я могу лишь осудить их манеру действий при больших операциях».

Позже король Фридрих воплотил эти принципы на деле. В июле 1759 г. он оставил на укрепленной позиции под Шмттзайфеном против Дауна небольшие прусские силы, находившиеся в безопасном тактическом положении и приковавшие к себе втрое превосходящие их силы [противника]. Также королю удалось сохранить неприступной, по тогдашним обстоятельствам, позицию армии до подходящего момента для дальнейшего возвращения к маневренной войне. Иным было положение под Бунцельвицем²⁸ в 1761 г. Позиция была избрана по тактическим соображениям, предполагалось отражать на ней вражеские атаки. Здесь мы видим, как говорит Клаузевиц, короля, «имеющего фронт во все стороны и проводившего все дальнейшее маневрирование, исходя из точки укрепленной позиции»²⁹. Тяжелые потери, которые прусская армия понесла в течение кровавого 3 ноября 1760 г. под Торгау³⁰, заставили короля придерживаться принципа сохранения своих войск в наступательном сражении, и он позволил даже в самых отчаянных обстоятельствах отступить от избранного метода³¹. Для его действий вполне подходит выражение Клаузевица: «Тот, кто за счет выигрыша времени и экономии сил пытается добиться всего, не обязан будет усиливать энергию войны».

Однако как уже вполне справедливо и красноречиво было сказано³², если русские и австрийцы не предприняли наступление на Бунцельвицкий лагерь, то главным образом потому, что великие свершения Фридриха и победы от Молльвица³³ до Торгау парили в воздухе на этой позиции, делая решения об атаке довольно трудным. И все же уже в самом этом замысле прочного лагеря в Силезских горах, в добровольном отказе от коммуникаций с остальными провинциями прусской монархии заключалась своего рода дерзость. Она основывалась на точной оценке противника и являла собой редкую многогранность военных навыков короля Фридриха. Он знал, как приспособиться к любой обстановке, и полагал, насколько это вообще позволяли ему средства в то время, что свободен от какого бы то ни было влияния традиций и схем.

Так и следует понимать то, что он писал после Семилетней войны: «Если я и должен был вести войну, то я бы разбил свой лагерь лишь на такой позиции, чтобы уже ни в коем

²⁶ Размышления о тактике и отдельных сторонах ведения войны в декабре 1758 г.: *Taysen*. Op. cit. S. 161.

²⁷ Леопольд Йозеф Даун (1705–1766), австрийский генерал-фельдмаршал. Одержал ряд побед в Семилетней войне, славился как искусный тактик и мастер маневра, однако был чрезвычайно медлителен, за что его сравнивали с римским полководцем Фабием Кунктатором. – *Прим. пер.*

²⁸ Ныне Болеславице в Силезии (Польша). Там летом 1761 г. Фридрих II разместил в укрепленном лагере 50 тысяч солдат против 132 тысяч австро-русских войск. Там же он успел заключить антиавстрийский и антироссийский союз с Турцией, но резкая перемена обстановки со смертью Елизаветы Петровны в декабре 1761 г. изменила ход войны. – *Прим. пер.*

²⁹ *Clausewitz*. Bd. 9. Die Feldzüge Friedrichs des Großen.

³⁰ Битва под Торгау состоялась 3 ноября 1760 г., став последним крупным сражением Семилетней войны. Несмотря на победу пруссаков, потери обеих сторон были столь велики, что Фридрих II не смог изменить ход войны. – *Прим. пер.*

³¹ *Ouevres*. Bd. 5. P. 14.

³² *Malachowski v. Scharfe Taktik und Revuetaktik*, Berlin, 1892. S. 18.

³³ Сражение под Молльвицем состоялось 10 апреля 1741 г., окончилось непростой победой пруссаков. – *Прим. пер.*

случае не быть вынужденным к сражению, если я не считаю этого необходимым»³⁴, и, в другом месте: «Нам следует явно отразить в своей памяти, что в будущем мы не должны вести войну в иных формах, нежели бой артиллерии или выставление постов – то есть позиций, – что требует усердного изучения местности, а это и определяет силу или слабость постов, а согласно этому военное искусство и принимает формы: от прочной обороны и до успешной атаки»³⁵. В 1777 году стареющий король писал: «Искусство генерала состоит в том, чтобы использовать свои войска против врага так, чтобы солдаты его были расстреляны еще до того, как они собственно смогут начать сражение. Для этого необходимо, чтобы огонь противника был бы подавлен за счет нашего в нем превосходства»³⁶. Опыт долгой военной карьеры с учетом тяжелого положения его государства с неудобными границами сделал короля осторожнее, спокойнее. Дух порыва к действиям юных лет сменился более рассудительной манерой старости. Вззрения короля теперь придавали возросшее значение воздействию оружия, однако же базовые его представления о сути войны оставались все теми же. Это проявляется в том числе и в его теоретической работе 1775 года, озаглавленной «Размышления о плане кампании»³⁷.

Там было выдвинуто предположение, что Пруссия, Австрия, Германская империя, Голландия и Англия заключат союз против Франции и выставят вместе 390 тысяч бойцов против 270 тысяч у Франции и ее союзников. Из войск государств, заключивших союз против Франции, во Фландрии будут сконцентрированы 180 тысяч человек. «Не для того, чтобы каждый год давать по сражению и занимать некоторые укрепленные позиции, на что потребовалось бы 7–8 кампаний, а более для того, чтобы вторгнуться в сердце королевства, наступая в направлении на Сомму и одновременно угрожая столице».

На случай войны против Австрии, в которой Пруссия могла быть усилена 30 тысячами солдат русского вспомогательного корпуса, 60 тысяч должны были вторгнуться из Саксонии в Богемию, а 110 тысяч – сосредоточиться в Верхней Силезии, чтобы оттуда наступать по кратчайшему пути и добиваться решительного исхода на Дунае, вынудив австрийцев очистить Богемию. Здесь видно, что стареющий король был далеко от того методического ведения войны, которое было характерно для его брата Генриха³⁸, австрийцев Дауна и Ласси³⁹. И если в поздних работах он и призывал так часто к осторожности, то все же в этом он, очевидно, не видел ни малейших оснований к тому, чтобы передать искусно созданное здание прусского государства в более слабые руки. Поэтому при чтении его трудов мы всегда должны учитывать, что свои самые глубинные размышления он приоткрывал лишь настолько, насколько полагал других способными и имеющими возможность их использовать.

Ведь уже в ходе Войны за баварское наследство⁴⁰ в 1778 г., еще при жизни короля Фридриха, стал явно проявляться упадок в ведении им боевых действий. Хотя король с 80 тысячами вторгся из Силезии, а принц Генрих с армией такого же размера, из них 20 тысяч – саксонцы, вошел в Богемию из Лаузица, до «хорошего сражения в Моравии», на которое рассчитывал король, не дошло. Король сомневался в необходимости проведения атаки на сильно укрепленную позицию, занятую австрийскими войсками за верховьями Эльбы. Объяснение действиям Фридриха следует искать, прежде всего, в том, что Война за баварское наследство

³⁴ Военное завещание: *Taysen*. Op. cit. S. 221.

³⁵ Основания искусства военного лагеря и тактики 1771 г. В: *Taysen*. Op. cit. S. 236.

³⁶ Ему было 65 лет. – *Прим. пер.* Ouevres. Bd. 9. Essai sur le formes de gouvernement («Эссе о формах правления»).

³⁷ *Taysen*. Op. cit. S. 333f.

³⁸ Принц Генрих (1726–1802), младший брат Фридриха Великого, отношения с которым у него были довольно натянутые. Выиграл ряд сражений в Семилетней войне. – *Прим. пер.*

³⁹ Ласси Франц (1725–1801), австрийский генерал-фельдмаршал, один из лучших полководцев Австрии в Семилетней войне. – *Прим. пер.*

⁴⁰ Война 1778–1779 г. закончилась компромиссным Тешенским миром, хотя до активных боевых действий так и не дошло. Автор придерживается традиционной прусской точки зрения, оправдывавшей неубедительное вмешательство Фридриха Великого в чужой династический конфликт. – *Прим. пер.*

ни в коем случае не являлась жизненно важным вопросом для прусской монархии. Основная цель, определявшая действия короля в ходе Семилетней войны, теперь послужила иной манере действий. Как раз потому, что тогда для него речь шла о схватке за то, чтобы «быть или не быть», что давало ему силы для блестящих свершений, которые и придали войне, пусть и в форме, свойственной XVIII веку, вполне современный отпечаток.

Вооруженная демонстрация в защиту независимости Баварии – ведь никакого иного основания для серьезной войны 1778 г. не было, естественно, там отсутствовали крупные побуждения, – позволила Фридриху вновь вернуться в этом вопросе к своего рода кабинетной войне, которая, на счастье Пруссии, была столь свойственна ее врагам и в Семилетнюю войну.

Эта последняя война короля, которую сам он называл «безвкусной» кампанией, а в армии прозвали «картофельной войной», имела дурные последствия для духа и образа мыслей прусской армии. Вялые и поверхностные натуры должны были невольно способствовать тому, чтобы вместо кровопролитных дней Праги, Лейтена, Цорндорфа и Торгау недавно проявившийся способ ведения войны был сочтен более мудрым. И все же это был тот же самый царственный герой семи лет, который здесь явно обратился к новому методу. Этот кажущийся отход первого полководца эпохи от ранее исповедуемого им военного искусства должен был сказаться и далеко за пределами прусской армии. Австрийские позиции на верхней Эльбе были без сомнения очень сильны, и средствами линейной тактики к ним действительно было тяжело подойти, однако король не собирался идти на слишком большой риск. В действительности же это были лишь растянутые приграничные позиции. Если же Фридрих и воздержался от таких напрасных действий, то очевидно потому, что тогда повсеместно придерживались кордонной системы, теории, которая в стремлении обеспечить прикрытие всего и вся, исходила из того, что следует встречать наступление противника на широко растянутых позициях, что стало бы самым действенным военным средством. В особенности уверовали в нее австрийцы, полагая, что это и привело к их победе над королем в 1778 г. Кордонная позиция и искусные маневры при уклонении от сражения стали обоими полюсами оперативных и тактических воззрений того времени. Действия принца Генриха Прусского, который в Семилетнюю войну неизменно избегал решительного сражения, в противовес таковому у короля, казались наилучшими.

В Австрии главным сторонником кордонной системы был фельдмаршал Ласи. Этот, кстати, чрезвычайно заслуженный в организационной сфере деятель, будучи в Семилетнюю войну генерал-квартирмейстером Дауна, вполне овладел его осторожной манерой ведения войны. Ласи, заявляя о том, что Дауну удавалось в ходе Семилетней войны часто избирать позиции, которые Фридрих Великий с его меньшими силами был не в состоянии атаковать, признавал, что именно благодаря таким его действиям объединившимся против Пруссии державам в ходе войны так и не суждено было добиться своей цели: разгрома короля Пруссии и раздела его монархии.

И вряд ли стоит удивляться тому, что при таких воззрениях обоим немецким великим державам не удалось подавить французскую революцию, к тому же они бросили в борьбу против нее лишь часть своих вооруженных сил. Но и тактика армий старой Европы уже не соответствовала эпохе. Ведь понятие о чистом линейном сражении уже под влиянием Фридриха Великого существенно поменялось и с тех пор продолжало изменяться. Генерал фон Хён пишет⁴¹: «К переменам привыкли и редко прибегали к нормальному *ordre de bataille*⁴². И все же по сути своей принципов командования это не меняло. Оно лишь имело больше свободы в выборе места, где армия должна была бы развертываться, однако еще до отхода туда должны были предложить будущий *ordre de bataille* и соответственно ему перестроить по ходу марша армию.

⁴¹ Krieg gegen die französische Revolution / bearb. von k. u. k. Kriegsarchiv. Bd. 1. S. 448.

⁴² Боевому порядку (фр.). – Прим. пер.

Теперь уже были исключены развертывания в два эшелона с обратными флангами или же перемешанные друг с другом батальоны и бригады».

Рост вооруженных сил до размера в 100 тысяч человек и соответственно расширившаяся линия фронта увеличили трудности для командования и обусловили необходимость придания ему вспомогательного органа в лице офицеров Генерального штаба. «Однако основывавшаяся на линейной тактике жесткая организация тогдашних армий имела в виду короткую цепочку передачи приказов, даже при самых масштабных задачах, что жестко противоречило технике дела. Все планы и расчеты главнокомандующего должны были увенчаться замыслом и привести в действие огромный механизм, а оперативные решения утрачивали смысл под тяжким грузом деталей»⁴³. К варианту, который мог бы помочь в устранении этой проблемы за счет раздела армии на самостоятельные в оперативном отношении соединения, странным образом не обращались. Поэтому армия, которой руководили по принципам линейной тактики, хотя они уже давно были опровергнуты, оставалась в целом неповоротливой. Непосредственно перед началом боевых действий в 1806 г. Шарнхорст⁴⁴ добился раздела прусской армии на смешанные дивизии. Но было уже слишком поздно для того, чтобы это нововведение смогло прижиться. Тактическая неповоротливость сражавшихся против Франции армий сказалась еще раз, выразившись в практикуемой тогда системе довольствия из магазинов и требуемого для этого гужевого транспорта. «Кампании Фридриха Великого, – говорит Хён, – были оценены теоретически, однако дух его идей не был осмыслен, а применить непростой для переоценки опыт для наступления пытались и того меньше. Да, чем более занимались его войнами теоретики, тем более отдалялись они от фридриховского духа... Его лишили именно тех форм, которые принесли наиболее блестящие успехи, а последние теперь стали незыблемыми догмами»⁴⁵.

К таким формам принадлежала и атака эшелонами. А так как в ходе Семилетней войны ее можно было провести в благоприятных условиях крайне редко, то полагали, главным образом в Пруссии, что этот недостаток можно устранить усиленной тренировкой именно этого метода атаки. Генерал фон Зальдерн, глава магдебургской инспекции, ставил во главу угла тактику парадов, и так как его влияние было более или менее значительным, то прусский офицерский корпус все более проникался именно этой искусственной тактикой, склоняясь к жесткому стилю ведения боя⁴⁶. Упускалось из виду, что при Лобозице⁴⁷ батальоны левого крыла пруссаков оказались вынуждены полностью отказаться от взаимосвязи и от строя в виноградниках горы Лобош. И несмотря ни на что они продвигались от стены к стене и в конце концов, расстреляв все боеприпасы, сбросили хорватов с горы штыками. Забывали и о том, что под Прагой обстановка вообще не позволяла осуществить упорядоченное развертывание, что сражение в действительности пруссаки провели в плотных стрелковых порядках при сильном перемешивании соединений. Не только командиры тогда не знали, сможет ли их военный опыт возобладать над застывшими, сомкнутыми боевыми порядками, которые были не совместимы с общепринятыми представлениями о линейной тактике, но и нижние чины были не автоматами, в которые эпигоны Фридриха стремились их превратить. Батальоны короля Фридриха побеждали не только потому, что формы, которым они были обучены, всегда вполне соответствовали самой серьезной ситуации, но и из-за того, что ими хорошо управляли, воспитывали в самой жесткой дисциплине, ведь в них жил дух, который и в самых неожиданных ситуациях обеспечивал им опору. Из-за того, что вскоре после Семилетней войны в мирное время было

⁴³ Hoen v. Op. cit. Bd. 1. S. 466.

⁴⁴ Шарнхорст Герхард (1755–1813). Прусский генерал. Один из выдающихся реформаторов и создателей постфридриховской армии Пруссии по итогам катастрофы 1806–1807 гг., военный теоретик. Глава Генерального штаба, в 1813 г. стал начальником штаба у Блюхера, но скончался в Праге еще до решающей победы над Наполеоном. – *Прим. пер.*

⁴⁵ Ebenda. S. 501, 503.

⁴⁶ Malachowski v. Scharfe Taktik und Revuetaktik.

⁴⁷ Сражение при Лобозице состоялось 1 октября 1756 г., окончилось непременной победой Пруссии. – *Прим. пер.*

взято неверное направление, можно понять, сколь легко, ввиду свойственной людям необдуманности, может быть утрачен военный опыт.

Отсутствие единства в обучении и боеспособности пехоты в 1806 г. безусловно стали недостатками прусской армии. Основная масса не была обучена ведению огневого боя, так как его практиковали только пешие егеря, фузилерные батальоны и некоторые стрелки из третьего звена. И тут же линейная тактика с ее одновременным расходом всех сил, вызванными этим трудностями организованного отхода, с отказом от колонного построения, несомненно способствовала несчастливому исходу двойного сражения под Йеной и Ауэрштедтом⁴⁸. Однако и этот способ ведения боя мог привести к победе, если бы только прусские командирующие решились соответствующим образом использовать свои войска. Конечно, французские стрелки весьма досаждали сомкнутым прусским батальонам, и там, где так называемая легкая пехота все же не одерживала верх, то, по оценке Гнейзенау⁴⁹, маневренные французские егеря за счет их наступления в обход наносили опустошающие потери. Однако перевес французской стороне дала все-таки большая способность командиров и войск приспосабливаться к местности и к условиям маневренной войны. Следует всегда учитывать, что имевшиеся в ту эпоху ружья с кремневым замком, заряжающиеся с дула, не позволяют сравнивать тогдашнюю плотность стрельбы с нынешней. Для того времени в целом подходит высказывание Наполеона: «Стрелковый бой служит лишь для того, чтобы сдерживать противника». Другая его фраза: «Огнестрельное оружие – все, остальное же лишь побочные инструменты», – касается действий артиллерии, а для него именно она готовила решительный исход.

Стрелковый бой появился вовсе не в войнах рубежа XVIII–XIX вв. Некоторый урон таким способом боя уже наносили королю Фридриху легкие части у австрийцев. Он пытался противопоставить им схожие войска в виде батальонов вольных стрелков. Война за независимость Северной Америки повысила ценность легкой пехоты. Поэтому она стала постоянным родом войск в Пруссии в виде фузилерных батальонов. В войнах Французской революции тактика стрелкового боя складывалась сама собой. Никаких указаний об этом не существовало. Характерно, что для французской пехоты времени революции и первых лет Империи никаких иных предписаний, кроме устава 1791 г., то есть выпущенного еще в годы старого королевского режима⁵⁰, не было. В этом уставе тогдашняя прусская линейная тактика в целом отвергалась. В нем есть лишь несколько обычных для французов колонных построений. Этому предписанию уже никакого доверия не было. Сражались в тех порядках, которые оправдали себя в войнах. Однако предписание продолжало действовать, так как Наполеон, для которого построения всегда были делом второстепенным, не чувствовал себя обязанным выпустить новые уставы. Он всегда пренебрегал муштрой своих войск. Уже та безрассудность, с которой он переходил от одной войны к другой, препятствовала ему в этом. Так что он ограничивался тем, что от случая к случаю рекомендовал маршалам тот или иной боевой порядок, оправдавший себя ранее. За пределами поля боя ему вполне хватало, если войскам удавалось выказать способность к длинным маршевым переходам. Тактическое обучение командиров основывалось главным образом на опыте революционных войн.

Способом ведения боя при Наполеоне все более становилась тактика массового боя. Малаховски вполне верно заявляет: «У французов после 1806 г. все чаще действенным спосо-

⁴⁸ Через несколько дней после начала войны 4-й антифранцузской коалиции, куда вошла и Пруссия, 14 октября 1806 г. в параллельно шедших сражениях под Йеной и Ауэрштедтом основные силы прусской армии потерпели сокрушительное поражение, потеряв более 30 тысяч человек. Это привело к вступлению французских войск в Берлин уже 27 октября, а исход войны, хотя и затянувшейся из-за действий русской армии, был определен еще в первую ее неделю. В Пруссии само слово «Йена» надолго стало синонимом военной катастрофы. – *Прим. пер.*

⁴⁹ Август Нейтхардт фон Гнейзенау (1760–1831). Прусский генерал-фельдмаршал, начальник штаба Блюхера с 1813 г. Сыграл важную роль в победе при Ватерлоо. Наряду с Шарнхорстом стал одним из тех, кто воссоздал на новых основаниях прусскую армию после краха 1806–1807 гг. – *Прим. пер.*

⁵⁰ Хотя Бастилия была взята 14 июля 1789 г., монархия во Франции была свергнута лишь 10 августа 1792 г. – *Прим. пер.*

бом становился огневой бой в колонных построениях; колонная и егерская тактики превратились в приемы наступления в колоннах и таранах... Лучшие солдаты пехоты были растрчены еще в 1807 г.⁵¹, в 1809 г. их преемники понесли весьма большие потери. В этом и была причина, чтобы ограничить бой разомкнутыми построениями. Таким образом, недостаточная надежность изначально, перенапряжение сил при плохом снабжении, недооценка противника и возрастающее ухудшение личного состава, в том числе и младших командиров – вот те моменты, которые все более разрушали наполеоновские войска и требовали усиленной спайки в сомкнутых соединениях. Однако из-за того, что ограничивались стрелками, пехотный бой теперь уже вообще не вступал в свои права. Наполеон искал замену этому в массовом применении его артиллерии»⁵².

Тяжеловесные формы и искусственная эволюция старой прусской армии были устранены начавшейся после Тильзитского мира реорганизацией. Серия распоряжений о войсковых учениях воздействовала именно в этом направлении. Они стали предшественниками устава 1812 г., который означал полный отход от парадной тактики, до сих пор еще привлекавшей умы. Вместо 10 стрелков, до того обучавшихся при каждой роте, теперь, помимо егерей и фузилеров, для ведения огневого боя была предназначена вся третья шеренга. При этом обучение каждого солдата в отдельности было подчеркнуто направлено на то, чтобы он мог действовать по своему усмотрению. «Тот является наилучшим из легких пехотинцев, – говорится в распоряжении от 16 июля 1809 г., – кто менее всего является машиной... Следует отказаться от всего формального на учениях и в стрелковом бою». Устав 1812 г. соответственно требовал, чтобы ни о каком равнении в рамках стрелковой цепи не было и речи. Позицию должны были определять исключительно ход боя и особенности местности. Каждый офицер обязан был руководить своим взводом, применяясь к обстоятельствам, и в соответствии с этим вмешиваться в ход боя.

Если устав и указывал нормальный строй для ведущей бой смешанной бригады, то это в целом соответствовало тогдашней манере боя и тому слабому огневому эффекту, при котором и в дальнейшем большая часть войск могла идти в сомкнутых порядках, так что еще было вполне возможно даже на кратчайшей дистанции от противника проводить маневрирование. Такое базовое построение было тесно связано с составом французской дивизии, соответствовавшей прусской смешанной бригаде. Первый эшелон образовывали оба фузилерных батальона, которому предшествовали вольные стрелки, сопровождаемые частями поддержки. Во втором эшелоне были три, а в третьем – два батальона. Дистанция между эшелонами составляла 150 шагов. На флангах второго эшелона стояли полубатареи тяжелой артиллерии, позади бригадной кавалерии стояла батарея конной артиллерии, за которой следовала пехота, которой предстояло, обходя ее фланги, выдвигаться в атаку.

Устав 1812 г. был положен в основу наших будущих предписаний для учений, и дух, которым он был пронизан, зачастую кажется нам вполне современным. Но сколь различны были в основе своей тактические условия той поры по сравнению с современными. Особенно это проявляется в Высочайшей инструкции бригадным и полковым командирам от 10 августа 1813 г. Там настойчиво предостерегали от преждевременного ввода в бой легких частей и изначального выдвижения вперед стрелков, если только этого не требовала цель боя и особенности местности. Долгом стала экономия живой силы и формирование крупных резервов, в том числе артиллерийских. Армейскому корпусу при атаке предписывалось из 4 его смешанных бригад до половины пехоты держать за пределами дистанции огневого боя, чтобы сохранить их для решающего удара. Наполеоновский принцип концентрации воедино артиллерии

⁵¹ Автор несколько льстит русской и прусской армиям, полагая, что смертельный удар наполеоновской военной машине был нанесен в кампании против 4-й антифранцузской коалиции. – *Прим. пер.*

⁵² *Malachowski v. Op. cit. S. 74.*

в крупных масштабах и подготовки атаки картечным огнем в этой инструкции также сильно подчеркивался.

Отличие от линейной тактики, исходившей из необходимости одновременного использования как можно большего числа винтовок, еще сильнее проявилась в данных здесь указаниях, нежели в уставе 1812 г. Экономия сил стала высшим законом. Здесь начали стремиться к бою в глубоких порядках со скупым развертыванием стрелков. Соответственно впредь и сражения Освободительной войны⁵³ носили характер скорее изматывающий, нежели ожесточенный. Войска первой линии, в особенности стрелки, но также и целые бригады, в ходе боя сменялись, что при несовершенстве тогдашнего пехотного вооружения, имевшего радиус действия в 200 шагов, становилось необходимым достаточно часто, а в густом пороховом дыму, клубившемся над ведущими бой шеренгами, это было вполне возможно. Такую методику тогда считали не только не сомнительной, но и даже весьма полезной. Относительно сражения при Линьи Дамиц⁵⁴ писал: «[Прусские] бригады, одна за другой вступавшие в бой, последовательно вводили свои силы и по мере потерь сменялись другими бригадами, отходя в резерв. Эта мера имела то преимущество, когда на деле ни одна из воинских частей не понесла такого урона, чтобы стать совершенно небоеспособной». Таким образом, здесь полагали действенным тот же метод и для сражения, продолжавшегося лишь несколько часов, что и в Мировую войну оказавшимся необходимым для дивизий, истощавшихся в длящихся днями напролет упорных боях на передовой.

Период между уходом короля Фридриха⁵⁵ и высшей точкой военной карьеры Наполеона весьма показателен появлением военной литературы, связанной с событиями Семилетней войны, в которой пытались осознать приметы новой эпохи, наступившей с началом Французской революции.

В 1781 г. англичанин Ллойд, после ранее написанной истории двух первых кампаний Семилетней войны, опубликовал «Размышления об общих принципах военного искусства», которые были переведены Темпельхофом на немецкий и продолжены. Ллойд побывал на английской, австрийской, русской и прусской службах и смог лично обобщить полученный военный опыт. Его работа о военном искусстве представляет собой первую в Новое время попытку систематического обучения военному делу. После этого она еще долго оказывала большое, пусть и не всегда благотворное влияние. В оперативной области Ллойд все еще полностью оставался на орбите XVIII-го века, включая развитую систему складов⁵⁶, лишь за счет введения терминологии он желал бы внести ясность в господствующие представления. Так, весьма часто употребляемое всеми нами понятие «операционной линии» было введено именно им. Но стратегические его размышления не особенно отличались от методики того времени, с ее ограниченными целями, например, в виде занятия провинции или взятия крепости. Полет мысли, который возможно разглядеть в «Размышлениях о планах кампаний» Фридриха Великого, у Ллойда отсутствует и в теории. Ведь лишь великим духом дано в известной степени прозревать будущее. Ллойд мог себе представить лишь обычные для его времени профессиональные армии, которые он оценивал только в 50, максимум в 60 тысяч человек. Более крупные вооруженные силы он полагал избыточными, даже если таковые имелись у противника. Эта мысль об армии нормального размера еще долго бродила в головах, к несчастью для отправленных против Франции союзных армий⁵⁷. Условиями своей эпохи был ограничен и король

⁵³ В России она известна как Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. – *Прим. пер.*

⁵⁴ История кампании 1815 г. по показаниям генерала фон Грольмана. Сражение при Линьи состоялось 16 июня 1815 г., окончившись победой Наполеона над войсками Блюхера. – *Прим. пер.*

⁵⁵ Он умер в 1786 г. – *Прим. пер.*

⁵⁶ Хотя в русском языке употребляется и соответствующее военному складу понятие «магазин», во избежание путаницы предпочтение отдается русскому синониму, а не аутентичному военному термину, применяемому автором. – *Прим. пер.*

⁵⁷ Имеются в виду армии 1-й антифранцузской коалиции, особенно в 1792–1794 гг. – *Прим. пер.*

Фридрих, как было показано выше, однако он осознавал, что если таковых не было в прежние времена, значит и нынешние не могут быть распространены на все эпохи. Так, 27 декабря 1756 г. он писал своему другу Альгаротти: «Мы должны действовать, а не воображать себе, будто живем во времена Цезаря. Все, к чему теперь можем стремиться, так это, я полагаю, достижение высшей степени посредственности. Мы не перешагнем за пределы столетия»⁵⁸. Вот так, хотя это было перед взором полководца, который, незадолго до этого вторгнувшись в Богемию, дал начало крупнейшему военному конфликту своего времени, приоткрыв на миг завесу, скрывавшую будущее. Ему уже виделись новые командиры, затем воплотившиеся в фигуре Наполеона, и массовые армии позднейшей эпохи.

В тактической области Ллойд оказался новатором в куда большей степени. Он настойчиво подчеркивал важность охвата. Чтобы реализовать его, он рекомендовал тонкое развертывание пехоты в один эшелон. Но то, что роднит его воззрения с современными, вновь сильно ограничивается своеобразными размышлениями о значении ландшафта, который он расценивал не с точки зрения его естественных качеств, а полагал средством искусственным. В лице Ллойда сторонники выше упоминавшейся «кордонной системы» находили определенного рода научную поддержку. Это направление в конце концов пришло к тому, что стали всерьез дискутировать о том, защищает ли гора батальон или батальон гору. Отсюда возникло представление о «ключевой позиции» или же о позиции, ценности которой Клаузевиц⁵⁹ дал точное определение, когда воспользовался выражением о «парадной лошади описаний всех учений и всех кампаний». Этим понятием имеет смысл пользоваться, «лишь там, где речь идет о местности, без контроля над которой не следует решаться на вторжение на территорию противника», как, например, в случае с мысами или с перекрестками дорог в горной местности⁶⁰. Неверная оценка естественных качеств ландшафта, столь широко распространенная в то время, хорошо видна из слов будущего прусского военного министра и фельдмаршала фон Бойена⁶¹ о прусской армии периода до 1806 г.: «В Генеральном штабе считали дельным офицера, когда о нем можно было сказать, что он умеет применяться к местности. Считалось даже, что умение расположить лагерь или же свести воедино ради одной цели несколько рассчитанных по карте маршевых переходов, назвав эту работу оперативным планом, уже выдает в нем талантливую полководца. Само же использование различных родов войск, обращение с личным составом и т. д. для этих стратегов было вопросом второстепенным».

На счет этой эпохи с ее бесплодными, абстрактными премудростями Генерального штаба и следует отнести известное пренебрежение теорией, в том числе и здоровой, необходимой, от которой не была свободна в частности и прусская армия. То же касается и тех насмешек, с которыми относились строевые офицеры к так называемому генштабистскому высокомерию, забывая при этом, что подобные речи в основе своей имеют как раз своего рода фронтовое зазнайство.

⁵⁸ Pol. Korrespondenz. Bd. 14. S. 848f.

⁵⁹ Vom Kriege. Buch 6. 23. Kap.

⁶⁰ То же касалось и флота. Поэтому осенью 1917 г. в германских сухопутных и военно-морских сводках справедливо говорилось об Эзеле и островах рядом с ним как о ключе к Финскому и Ботническому заливам.

⁶¹ Erinnerungen. Bd. 1. S. 217. Леопольд фон Бойен (1771–1848). Прусский генерал-фельдмаршал, был ранен под Ауэрштедтом. В 1812 г. в знак протеста против союза с Францией, уехал в Россию, затем сражался против Наполеона. – Прим. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.